Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Бабий Яр» Евтушенко и Шостаковича

18.09.2026.

© N. Sikorsky

«Не успел начаться мой первый учебный год в качестве преподавателя, как произошло событие, объединившее литературу и музыку: 19 сентября 1961 года в «Литературной газете» было опубликовано стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр».

Газетой с 1960-го руководил ее 26-й по счету главный редактор с не самой благозвучной фамилией Косолапов, прошедший войну парторгом, инструктором по пропаганде, агитатором, а после войны ставший начальником отдела журналов и литературы Главного политического управления. Задержался в «Литературке» он недолго: за публикацию «Бабьего Яра» получил выговор, а еще через год с небольшим за эту и другие допущенные на своем посту «ошибки» был уволен. Мог ли опытный партиец не знать, что такая опасность существовала? Конечно нет. Однако

пошел на этот шаг, вот вам и Валерка Косолапый, как за глаза называли Валерия Алексеевича. Евтушенко этот поступок оценил и посвятил уже бывшему редактору стихотворение, призванное стереть все сомнения в возможности «недоразумения». Вот оно:

А Косолапов улыбнулся мне.
Искрилось в нем
крестьянское лукавство,
а это самолучшее лекарство
от страха
в так запуганной стране:
«Да,
не соскучится с тобою
государство…
Ты обожди.
Я позвоню жене».

«Зачем жене?» –
был мой вопрос невольный
от робко предвкушаемого «ЗА».
«Да потому что буду я уволен».
«За что?» –
«Да за красивые глаза».

Так Косолапов увековечил себя в русской литературе. Понятно, что он на это не рассчитывал, и почему решился на публикацию, я не знаю, хотя подозреваю, что дело снова было в «раздвоении личности», недуге, которым многие тогда страдали.

Что же было крамольного в стихотворении, посвященном жертвам массового расстрела, когда за два дня в сентябре 1941 года фашисты с помощью коллаборационистов уничтожили недалеко от Киева 33 771 еврея? Разумеется, ничего, если не считать крамолой само слово «еврей», до тех пор в советской литературе в положительно-уважительном контексте употреблявшееся редко. (Роман «Жизнь и судьба» Гроссмана был на тот момент уже написан, но категорически запрещен, так что никто его не читал.) Ничего, если не знать, что эта трагедия, как и другие ей подобные, в СССР тщательно замалчивалась – по сей день во вполне уважаемых музыкальных справочниках, описывающих историю создания одноименной симфонии Шостаковича, можно встретить упоминание о «нескольких сотнях» погибших. Ничего, если не считать преступной продолжавшуюся на тот момент антисемитскую политику, которая ставила СССР в один ряд со всеми другими режимами, преследовавшими евреев. Не хочу выступать в роли Хаима, напевшего за Карузо, и пересказывать стихотворение своими словами, а потому приведу его полностью, благо оно не слишком длинное.

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас –
я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
И до сих пор на мне – следы гвоздей.

Мне кажется, что Дрейфус –
это я.
Мещанство –
мой доносчик и судья.
Я за решеткой.
Затравленный,
оплеванный,
оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.

Мне кажется –
я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
И пахнут водкой с луком пополам.

Я, сапогом отброшенный, бессилен.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:
«Бей жидов, спасай Россию!» –
насилует лабазник мать мою.

О, русский мой народ! –
Я знаю –
ты
по сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.

Я знаю доброту твоей земли.
Как подло,
что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется –
я – это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.
И я люблю.
И мне не надо фраз.
Мне надо,
чтоб друг в друга мы смотрели.

Как мало можно видеть,
обонять!
Нельзя нам листьев

и нельзя нам неба.
Но можно очень много –
это нежно
друг друга в темной комнате обнять.

Сюда идут?
Не бойся – это гулы
самой весны –
она сюда идет.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход…

Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.

И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я –
каждый здесь расстрелянный старик.
Я –
каждый здесь расстрелянный ребенок.

Ничто во мне
про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

Написано сильно, но, согласитесь, аккуратно. На первый взгляд, все виновные – иноземцы: древние египтяне и римляне, французы, немцы. А если свои, то дореволюционные. Но руководители СССР не были идиотами, а уж по части «чтения между строк» им и вовсе не было равных. А тут и между строк читать не пришлось, черным по белому написано: «О, русский мой народ! Я знаю – ты по сущности интернационален». Крамола заключалась в «по сущности» – это невинное наречие подразумевало как раз сомнение в интернационализме русского народа. Признаюсь, это я не сам догадался. Уже 19 сентября, то есть в день публикации, стихотворение

Евтушенко было самым тщательным образом проанализировано «вражескими голосами», и все, кто имел к ним доступ, внимали этому неожиданному уроку литературы вперемешку с историей: за границей трагедия Бабьего Яра, к двадцатилетию которой было приурочено стихотворение, была известна со всеми жуткими подробностями. 29-летний Евтушенко тогда моментально прославился, стихотворение его было переведено на многие языки, и, говорят, именно благодаря ему он был вскоре номинирован на Нобелевскую премию. Но не получил. На родине же его, как полагается, начали травить, обвиняя не только в идеологических заблуждениях и перевирании истории, но и в бездарности. О зависть, зависть, тяжелейший человеческий недуг! Кто не верит, читайте Олешу.

Автограф стихотворения Е. Евтушенко «Бабий Яр» (Национальная библиотека Израиля)

Почему вполне успешный литератор без примеси еврейской крови взялся за столь скользкую тему? Не знаю. Может быть, это была его месть Сталину за арестованного в 1938 году за «контрреволюционную агитацию» деда по материнской линии – математика Рудольфа Гангнуса, под фамилией которого родился будущий поэт? Не буду гадать.

Доподлинно известно, что стихотворение «Бабий Яр» Шостакович получил из рук своего близкого друга – профессора Ленинградской консерватории Исаака Давыдовича Гликмана, в свое время поступившего на филологический факультет Ленинградского университета по совету Всеволода Мейерхольда, а в 1940-е годы заведовавшего литературной частью Малого оперного театра, где, в частности, ставил вместе с Самосудом «Войну и мир». Известно даже, что произошло это в гостинице «Европейская», где друзья обедали. Стихотворение Шостаковичу понравилось, и он сразу решил написать на этот текст вокально-симфоническую поэму, причем на вокальную партию немедленно определил баса. Так сначала и было.

Музыковеды давно разобрали эту историю по косточкам и разложили по полочкам, так что общеизвестно, что к 23 марта 1962 года был закончен черновой эскиз, к 27 марта – клавир, а к 21 апреля – вся партитура. Но к этому моменту Шостакович познакомился и с самим Евтушенко, и с другими его стихами – и первый, и вторые ему очень понравились. В результате уже практически реализованный замысел начал преобразовываться, что называется, на глазах, превращаясь из вокально-симфонической поэмы в симфонию, с добавлением к басу-солисту хора басов и оркестра. Почему из всех голосов Дмитрий Дмитриевич выбрал именно бас, пояснять, я думаю, не надо: чтобы показать глубину и тяжесть трагедии, ему требовался самый мощный природный набат.

Известно, что к концу июня Шостакович уже рассказывал близким о симфонии из пяти частей, но 8 июля получил от Евтушенко пять новых стихотворений, вдохновивших его на продолжение работы и натолкнувших на мысль ввести в сочинение тему совести, которая, по его словам, нуждалась в реабилитации. Реабилитация совести – вы только вдумайтесь! Одно слово – гений! Последняя страница партитуры симфонии была датирована 20 июля, и мир получил Симфонию № 13 си-бемоль минор, ор. 113. Еще не слышав ее, а только узнав названия частей – «Бабий Яр», «Юмор», «В магазине», «Страхи» и «Карьера», я уловил сходство с циклом «Из еврейской народной поэзии»: трагедия также соседствовала здесь с

комедией, смех со слезами. Эти содержательные контрасты подчеркивались в музыке партиями, отведенными в оркестре флейтам, кларнетам, колокольчикам, ксилофону и арфе, в противовес, так сказать, тубе, литаврам, контрабасам, колоколам.

Не знаю, станет ли когда-нибудь достоянием широкой общественности закулисная возня, развернувшаяся вокруг этой симфонии, возня, вызванная тем, что, развенчав культ личности Сталина, в своих взглядах на искусство Никита Сергеевич оставался искренним и истовым сталинистом, только еще более невежественным и грубым. Информация о том, что на очередном собрании по идеологическим вопросам Хрущев прошелся на тему о том, что Шостакович поднял никому не нужный еврейский вопрос, быстро просочилась за толстые стены Кремля. Запрещено произведение не было, но некоторые музыканты решили подстраховаться, способствуя таким образом срыву премьеры. Среди них я должен с сожалением назвать Мравинского. Евгений Александрович, традиционный первый исполнитель большинства сочинений Шостаковича, собирался тогда в зарубежные гастроли, но пообещал запустить партитуру в работу: отдать ноты в переписку, изготовить хоровые партии и так далее. Однако вскоре выяснилось, что ничего этого он не сделал и в план Ленинградской филармонии исполнение новой симфонии не поставил. Мне кажется, больше всего разочаровал его многочисленных поклонников не сам факт отказа, а манера: ведь он не решился сказать Шостаковичу правду. Пошли разговоры и о его скрытом антисемитизме, тот факт, что в худшие годы борьбы с космополитами он отказался увольнять евреев из своего оркестра, начали объяснять исключительно прагматичным пониманием того, что без них в нем просто некому было бы играть. Не берусь судить, но с Шостаковичем получилось некрасиво, это факт.

На этом проблемы не кончились. Из всех возможных басов Дмитрий Дмитриевич выбрал Бориса Гмырю, обладавшего голосом широкого диапазона и мягким тембром. Шостакович специально летал к нему в Киев – вот уж правда отправилась гора к Магомету. Зная логику Дмитрия Дмитриевича при отборе певцов для исполнения цикла «Из еврейской народной поэзии», я позволю себе предположить, что выбор Гмыри был обусловлен не только его вокальными данными, которыми композитор не раз восхищался. Шостакович не мог не знать, что во время оккупации Украины Гмыря оставался в Киеве, где продолжал петь в оперном театре. Отношение в СССР к тем, кто оказался под оккупацией, со стороны власти известно: «душок» оставался до конца их дней, а то и после. И вот, мне кажется, Шостакович хотел, чтобы именно такой человек пел о Бабьем Яре. Но его плану не суждено было сбыться: Гмыря прислал композитору письмо, в котором сообщил, что руководство Украины категорически против, а потому он, «естественно», участвовать в исполнении симфонии не может. Представляю себе реакцию Шостаковича на это «естественно»! А что касается Гмыри, то Бог ему судья, да и не знаю я всех обстоятельств. Зато буквально на днях я с изумлением узнал, что он включен в список самых достойных людей Украины за всю ее историю. В курсе ли составители этого списка той истории с Шостаковичем??

Тем временем премьера все реальнее оказывалась под угрозой. Но не бывает безвыходных ситуаций, особенно если заинтересованные стороны готовы идти на некоторые компромиссы. К некоторым компромиссам Шостакович и Евтушенко были готовы, понимая, что без них произведение просто никто не услышит. Однако далеко не ко всем.

Дмитрий Шостакович. Партитура Симфонии № 13. Факсимиле. Фото с сайта shostakovich.ru

Премьеру симфонии решено было перенести из Ленинграда в Москву, дирижировать ею без всяких сомнений согласился Кирилл Петрович Кондрашин. Многие тогда удивлялись его смелости, называя ее опрометчивостью, мне же его решение показалось совершенно логичным, ведь незадолго до описываемых событий, 30 декабря 1961 года, он продирижировал за пультом оркестра Московской филармонии Четвертой симфонией Шостаковича, пролежавшей «в столе» с 1936 года! Продирижировал несмотря на то, что ему как члену партии делать этого настоятельно не рекомендовали. А Тринадцатую симфонию пока никто не запрещал, нужно было только найти способ усыпить бдительность «надзирателей». «Мой отец был скрипачом-самоучкой, играл в оркестре ГОСЕТа под управлением Льва Пульвера. Он бы никогда мне не простил, если бы я отказался. А мама ждет не дождется услышать новую симфонию», – полушутя-полусерьезно объяснял свое решение сам Кирилл Петрович.

Премьера была назначена на 18 декабря. Но продолжали возникать сложности. Приглашенный вместо Гмыри Александр Ведерников, уже певший тогда в Большом театре, тоже отказался от участия в проекте – без объяснения причин. А ведь учился в Московской консерватории у чудесной Розы Яковлевны Альперт-Хасиной, которая в буквальном смысле спасла его, когда на третьем курсе он потерял голос.

Согласитесь, трудно сегодня представить себе, что кто-то из солистов мог отклонить приглашение самого Шостаковича! Вновь оказавшись без вокалиста, Дмитрий Дмитриевич остановил свой выбор на Викторе Нечипайло, еще одном украинском басе из нашей труппы. Учитывая опыт предыдущих месяцев, решено было на всякий случай подготовить запасного исполнителя: уж не знаю, по чьей рекомендации им стал Виталий Громадский, в 1960 году закончивший Консерваторию и прославивший советскую музыкальную школу на конкурсе Шумана в Берлине, где он завоевал первую премию, после чего был сразу принят на работу в Московскую филармонию.

Дмитрий Шостакович и Кирилл Кондрашин после исполнения Симфонии № 13 ДмитрияШостаковича, 18 декабря 1962. Фото: russiainphoto

Ответственность за хор была возложена на Александра Александровича Юрлова, выдающегося профессионала, чье имя сегодня носит Хоровая капелла, так что тут можно было не волноваться. Начались оркестровые репетиции, по Москве поползли самые разные слухи, подогревавшие любопытство даже далеких от музыки людей. Все с нетерпением ждали премьеры. Встретив Кирилла Петровича, я, конечно, поинтересовался, как идет работа. Он пожал плечами:

– Да вроде неплохо. Оба солиста партии выучили, Дмитрий Дмитриевич одобрил. Пока на репетициях поет Нечипайло, но Громадский ни одну репетицию не пропустил, приходит, внимательно слушает. Ему, конечно, пришлось помучиться: музыка сложная, а он молодой, но я с ним много занимаюсь, надеясь в душе, что обойдется без него. Он молодец, бывший моряк, смелый парень. Хотя и не понимает, в чем проблема.

– В каком смысле?

– Ну, не понимает, почему такой ажиотаж – мы же, мол, правду говорим, а антисемитизма в СССР нет. Простая душа!

Кирилл Петрович хохотнул. На том мы и расстались.

Но 18 декабря, то есть в день премьеры, я столкнулся с ним на Горького, и ему было явно не до смеха.

– Представляете, Соломон Маркович, все же чутье меня не подвело! – сообщил он с места в карьер. – Нечипайло наш не явился!

Я невольно улыбнулся тому, что даже в таком возбужденном состоянии Кондрашин перефразировал строчки из сцены дуэли в «Онегине».

– Что значит – не явился?

– А то и значит. Генеральная репетиция была назначена на десять утра. Я уже собирался выходить из дома, как вдруг раздается звонок, и он заявляет, что болен и петь не сможет. Ну вы представляете себе? И на репетицию не пришел, «мнимый больной». Не верю я ни на секунду в его болезнь, либо сам струсил, либо припугнули.

Тут Кирилл Петрович крепко выругался.

– Но хуже то, что и Громадский не пришел! На все репетиции ходил, а тут не пришел, как на зло. И вот – картина: мы с Шостаковичем на месте, хор с оркестром на месте, в зале начальство – в погонах и без. Ждем Громадского. А он живет у черта на куличках, да еще без телефона. Но ничего: нашли и привезли. Я ему: «Что же ты, Виталий, не приехал раньше?» А он, как школьник: «Простите, Кирилл Петрович! Я подумал, все равно вечером не петь, ну и решил выспаться». Ну не детский ли сад, Соломон Маркович?

Я только развел руками, представляя себе, как они все перенервничали.

– Но что значит морская закалка! – продолжал он. – «Не подведу», говорит. Начали репетировать. Он ошибается, путается, Шостакович нервничает, дергается, а тут меня к телефону вызывают. Кто, как вы думаете?

– Неужели Хрущев?

– Нет, рангом пониже – министр культуры. И на полном серьезе предлагает мне сыграть вечером симфонию без первой части, то есть без «Бабьего Яра»! Хотел я его послать, но сдержался и спокойно объяснил, что программа уже объявлена и внесение подобного изменения в последнюю минуту только усилит ажиотаж. Он покряхтел, но спорить не стал. Даже не знаю, чем все это сегодня закончится. Побегу перекушу и обратно в Консерваторию. Вы будете вечером?

– Еще бы! Буду за вас болеть, уверен, все пройдет на ура.

А вечером было вот что. Спустившись по Тверскому бульвару и свернув налево, к Консерватории, я еще издали увидел небывалое скопление народу. Подойдя поближе, понял, что пригнали наряд милиции, который оцепил Большой зал. Пропускали только обладателей билетов, которые внимательно изучались. Я порадовался про себя, что в кои-то веки у меня был настоящий билет, а не просто

контрамарка от главного администратора Владимира Емельяновича Захарова. Оцепление я благополучно прошел, а за моей спиной его прорвали – многие были готовы хоть на ступеньках посидеть, хоть на люстре повисеть, лишь бы побывать на премьере. На фоне многочисленных знакомых мне лиц в зале выделялись иностранцы – дипломаты и журналисты в смокингах и бабочках. Все были настолько взбудоражены предстоящим, что вполуха слушали симфонию Моцарта в первом отделении и еле дождались окончания антракта.

То, что произошло во втором отделении, можно сравнить скорее с богослужением – не важно, в церкви или в синагоге – по благоговейной тишине в зале: ни один человек не кашлянул, не сморкнул, не шаркнул ногой. Музыка Шостаковича звучала одновременно как поминальная молитва по всем невинным жертвам и как мощный звонивший по ним колокол, призывавший не допустить повторения трагедии. (К слову, роман Хемингуэя, на тот момент уже двадцать лет как написанный, у нас еще не был широко известен. Он был впервые опубликован в 1962 году Издательством иностранной литературы малым тиражом и только для распространения среди лиц, внесенных в специальный список, утвержденный ЦК КПСС.)

Овация продолжалась пятьдесят минут. У меня самого ладони уже отваливались, но и перестать аплодировать не мог, ведь мы были свидетелями победы Искусства над всеми идеологическими выкрутасами. По крайней мере, мы так искренне думали.

Дмитрий Шостакович и Евгений Евтушенко после премьеры 13-й симфонии. Фото: Семен Хенкин / DSCH Publishers

Придя домой, я никак не мог успокоиться и решил послушать «голоса»: все они рассказывали о премьере в превосходных степенях, но высказывали предположение, что дальнейшее существование симфонии под угрозой. Трансляции по нашему советскому радио не было, причем под смехотворным предлогом: высокое начальство решило, что, услышав в первой части лозунг «Бей жидов, спасай Россию!», послушный советский народ и вправду схватится за топоры. И смех, и грех, честное слово!

К сожалению, «голоса» оказались прозорливы. Евгений Евтушенко не выдержал давления и переписал стихотворение, которое стало в два раза длиннее и значительно слабее изначального. Что было делать Шостаковичу: переделать первую часть или поставить крест на всей симфонии? Гениальное в своей простоте решение предложил Кондрашин: не трогать музыку, а немного изменить текст. По сути, это и стало единственной уступкой власти. В результате текст заменили в двух местах, вот они.

Было:

Мне кажется, сейчас – я иудей,
Вот я бреду по древнему Египту,
А вот я, на кресте распятый, гибну,
И до сих пор на мне следы гвоздей.

Стало:

Я тут стою, как будто у криницы,

Дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы,
С евреями лежат в одной земле.

Было:

И сам я, как сплошной беззвучный крик,
Над тысячами тысяч погребенных.
Я –
каждый здесь расстрелянный старик.
Я –
каждый здесь расстрелянный ребенок.

Стало:

Я думаю о подвиге России,
Фашизму преградившей путь собой,
До самой наикрохотной росинки
Мне близкой всею сутью и судьбой.

Сохранение «евреев» уже было смелостью, переоценить которую сложно.

В таком «исправленном» виде симфония еще дважды прозвучала в Москве в феврале уже нового, 1963 года, а потом три раза в Минске. После чего дальнейшее ее исполнение было сочтено «нецелесообразным», а какая-то дура обвинила Шостаковича в том, что он-де не понял, «что нужно обществу». Он-то как раз все понял, а вот «общество» – нет. »

P.S. Книга «Русский тенор Соломон» вышла в 2025 году в издательстве «Время». Ее можно заказать в России и в Европе через привычные сайты. Французский перевод Марианны Гург-Антушевич выйдет осенью 2027 года в швейцарском издательстве Éditions Noir sur Blanc.

Евтушенко Бабий Яр Шостакович
Шостакович Тринадцатая симфония
Бабий Яр Евтушенко
премьера Тринадцатой симфонии Шостаковича

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/babiy-yar-evtushenko-shostakovich*